

Т. С. Злотникова <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Т. И. Ерохина <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

А. В. Еремин <https://orcid.org/0000-0002-4139-8962>

Советское бытие как интегративный феномен: истоки, трансформация, художественные практики

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013

«Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Злотникова Т. С., Ерохина Т. И., Еремин А. В. Советское бытие как интегративный феномен: истоки, трансформация, художественные практики // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 193-201. DOI 10.20323/1813-145X-2020-5-116-193-201

В статье обобщаются научные проблемы, ставшие предметом семинара-дискуссии «Советское бытие в преддверии формирования тоталитарной и авторитарной рамок» (май 2020 г.), проведенного членами научного коллектива гранта Российского научного фонда № 20-68-46013. Авторский коллектив, состоящий из ведущих ученых, докторов наук, и молодых исследователей, кандидатов наук и аспирантов, представил итоги одного из этапов исследовательской работы по гранту, обратившись к раскрытию истоков концепта «советское бытие», к осмыслению содержания интегративного феномена советского бытия и его репрезентации в художественных практиках. На основе проведенного коллективного исследования проакцентированы базовые концепты отечественной культуры XIX и XX вв., которые позволили обнаружить определенную преемственность смысловых комплексов, духовных, исторических и политических предпосылок и реалий, художественного творчества и повседневных практик досоветского и советского периодов отечественной культуры. Советское бытие обозначено как живое и парадоксальное пространство, нашедшее отражение в творчестве представителей советской культуры, религиозной и псевдорелигиозной практике, метаморфозах и трансформации повседневного (бытового) существования личности. Особое внимание уделено репрезентации советского бытия в художественном творчестве, эволюции и трансформации представлений о бытии личности в произведениях разных видов искусства. Обозначены основные тенденции восприятия реального и идеального мира, круг персонажей (образов) и их символическая трактовка, базовые сюжеты и темы. Статья, презентуя содержание проводимого по гранту исследования, намечает теоретико-методологические подходы к дальнейшему осмыслению феномена «советское бытие» в философском, историко-культурном и художественном дискурсах.

Ключевые слова: советское бытие, советская культура, генезис, трансформация, повседневность, художественные практики, культурные коды.

T. S. Zlotnikova, T. I. Erokhina, A. V. Eriomin

Soviet existence as an integrative phenomenon: origins, transformation, artistic practices

The article summarizes the scientific problems that became the subject of the seminar-discussion «Soviet existence on the eve of the formation of a totalitarian and authoritarian framework» (May 2020), conducted by members of the research team of the Russian science Foundation grant № 20-68-46013. The team of authors consisting of leading scientists (doctors of sciences and young researchers (PhD and graduate students) presented the results of a research grant, applying to the disclosure of the origins of the concept «soviet existence», to understanding the content of an integrative phenomenon of soviet being and its representation in artistic practice. On the basis of the conducted collective research, the primary concepts of Russian culture of the XIX and XX centuries are analyzed, which allowed us to find a certain continuity of semantic complexes, spiritual, historical and political prerequisites and realities, artistic creativity and everyday practices of the pre-soviet and soviet periods of russian culture. The soviet being is designated as a living and paradoxical space, which is reflected in the works of representatives of soviet culture, religious and pseudo-religious practices, metamorphoses and transformations of the daily (everyday) existence of the individual. Special attention is paid to the representation of soviet existence in artistic creativity, the evolution and transformation of ideas about the existence of the individual in works of different types of art. There are designated the main trends of perception of the real and ideal world, the circle of characters (images) and their symbolic interpretation, basic plots and themes. The article presents the content of the research conducted under the grant, also it outlines theoretical and

methodological approaches to further understanding the phenomenon of «soviet existence» in philosophical, historical, cultural and artistic discourses.

Keywords: soviet being, soviet culture, genesis, transformation, everyday practices, artistic practices, cultural codes.

Феномен советского бытия в современном гуманитарном знании занимает особое место: пройдя сложный путь от декларации и доминирования концепта «советский» через отрицание и наделение его негативными коннотациями к двойственному восприятию (ностальгия, критический анализ, реконструкция, обличение), советское бытие стало неотъемлемой частью как мирового историко-культурного процесса, так и философского дискурса мировой культуры.

Актуальность и значимость осмысления советского бытия подтверждается не только разнообразными социопсихологическими и социокультурными интеракциями бывших советских или, как принято говорить, постсоветских людей, разбросанных по всему миру, но и многочисленными научными исследованиями, посвященными разнообразным аспектам и уровням советской культуры. В их числе – проект, выполняемый по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия». Коллектив представлен ведущими, а также молодыми учеными Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля, исследование выполняется на базе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

В настоящей статье мы представляем итоги работы по одному из этапов исследования, который показывает принципы формирования научной проблематики гранта, будучи связанным с проведением семинара-дискуссии «Советское бытие в преддверии формирования тоталитарной и авторитарной рамок» (май 2020 г., в онлайн-режиме); на площадках Ярославля и Москвы семинар собрал большое количество откликов на выступления и предшествующие публикации участников гранта. Отметим: параллельно публикуется материал, посвященный частным откликам и рефлексии по поводу суждений представителей научного коллектива: этому кругу материалов семинара-дискуссии посвящена статья молодых участников работ по гранту (С. А. Добрецовой, В. М. Куимовой, В. А. Тираховой), публикуемая в этом же номере «Ярославского педагогического вестника».

Научной проблемой, на решение которой направлен грантовый проект в целом и в частности рассмотренные в ходе семинара вопросы, стало советское бытие как интегративный (мен-

тальный и цивилизационный) феномен, укорененный в специфическом хронотопе и имеющий российское и мировое значение. Детализация многогранной научной проблемы связана с выявлением и анализом культурного кода как совокупности социально-культурных и философско-антропологических предпосылок и факторов, обуславливающих влияние на современность материальных и идеальных проявлений феномена советского бытия. Детализация проблемы связана также с осмыслением и критическим анализом политических, экономических и культурных ментальных установок и программ, разработанных в досоветский период, в частности, на основе марксистской теории, приспособленной впоследствии к российским реалиям после октября 1917 г.

В ходе семинара-дискуссии были рассмотрены явления разных историко-культурных периодов в их философско-антропологическом освещении. Так, обсуждены представления о «советском бытии» как совокупности формирующихся на рубеже 1910-1920-х гг. социокультурных и культурно-антропологических реалий и философско-антропологическом концепте. Организаторы семинара-дискуссии обратились к дефинициям «тоталитарное» и «авторитарное», акцентировали внимание на персоналистском дискурсе советского бытия на самой ранней стадии его формирования, на особенностях сознания и культурных практик выдающихся людей названного периода. Были сделаны шаги к обсуждению предпосылок формирования концепта (культурного кода) «советское бытие».

Воплощая замысел работы по гранту и исходя из ракурсов дискуссии, мы подразделяем представленные нашим авторским коллективом аспекты исследования на три группы.:

Первая группа материалов посвящена *осмыслению генезиса советского бытия*, обнаруживаемого в русской культуре XIX – начала XX в. При этом исследователи отметили ряд концептуальных моментов, повлиявших на формирование феномена советского бытия или заложивших его основы.

Феномен советского бытия, как отметил *Г. Л. Тульчинский*, возник не на пустом месте. Более того, он во многом является продолжением и развитием ряда особенностей российской культуры, ее ценностно-нормативного (смыслового) со-

держания, динамики политической культуры [Тулчинский, 2018].

Анализ особенностей экономической и политической истории, мифологии и фольклора, русского православия (канона и обыденной религиозности), философии, художественной культуры, дискурса обыденного общения, впечатлений путешественников позволяет говорить о нескольких ключевых комплексах, ориентирующих отношение к миру, другим людям, самому себе. Эти комплексы опираются на следующие концепты:

Во-первых, на *правду как справедливость, нравственный максимализм* – готовность нравственной личности пострадать за правду. При этом «благодать выше закона», «главное, чтобы человек был хороший».

Во-вторых, на *творчество* и связанное с ним *чудо*. В славянской мифологии нет культурного героя, научившегося труду, а в русской поэзии нет титульного поэта, воспевшего труд. В отличие от систематического труда, не способного обеспечить лучшую жизнь, ценностью является творчество – единовременный акт сродни чуду творения усилием воли, сразу, из ничего.

В-третьих, на *эсхатологизм*. Этот мир и его проявления (здоровье, труд, собственность, своя и чужая жизнь, право как их гарантия) – юдоль страдания, нравственного испытания и предуготовления к жизни «иной». Отсюда постоянный российский спор с историей.

В-четвертых, на *всеединство*. Личностная индивидуальность выступает элементом, средством реализации и воплощения общности («всеединства», «соборности», «симфонической личности», «всяк за всех в ответе» и т. п.).

В-пятых, на бинарность *«Истина и красота»*. От выбора религии Владимиром до восторженно-го слогана «поэт в России – больше чем поэт» тождество истины и красоты породило эстетизм в российской историософии, когда в истории ищется особая законченная сюжетность.

По мнению философа, эти смысловые комплексы дополняют и подкрепляют друг друга, образуя удивительно целостное смысловое пространство с очень напряженным нравственным чувством, что выражается в глубоко противоречивом отношении власти и народа [Tulchinskii, 2019].

Народ в обыденном и литературном дискурсе фигурирует как носитель нравственных начал, но – не хозяин собственной жизни. Он активен «в ответ» на действие внешних ему сил, включая, как ни удивительно, власть, для которой народ – мате-

риал и средство реализации властной воли. Власть чужда народу и, одновременно, непререкаемо сакральна, предмет искреннего поклонения.

Исследователь также отмечает, что особая нравственная почва оказалась чрезвычайно благодатной для восприятия и освоения идеи коммунизма, представления об обществе, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования, с инструменталистским отношением к закону. В результате катастрофических последствий Первой мировой войны, слабостей политического режима, большевикам удалось под марксистскими лозунгами возглавить фактически крестьянскую революцию, что позволило им победить в Гражданской войне, укрепить режим и экономику с помощью раздачи земли крестьянам и НЭПа. Крах надежд на мировую социалистическую революцию, другие политические реалии поставили вопрос о переходе к ускоренной модернизации [Тулчинский, 2019].

В соответствии с логикой грантового исследования о приоритетном рассмотрении предпосылок формирования феномена советского бытия как реальности 1917-1991 гг., равно как и его существования в позднейших «превращенных» формах до настоящего времени размышляет С. А. Никольский. Он отметил, что советское бытие было не только результатом исторической практики, но и плодом, который созрел на дереве русской культуры XIX – начала XX столетия [Никольский, 2018]. Развивая свои научные идеи, автор считает, что этим деревом была, прежде всего, отечественная философствующая литература (литература «первого ряда»). Парадоксально утверждается, что, начиная с Д. Фонвизина, первым пропевшим осанну всесилию и доминированию государства над личностью, эту линию продолжили другие.

На мудрого самодержца надеялся А. Пушкин. Своих героев отстраняли от общества (в силу его порочности) А. Грибоедов и М. Лермонтов; смеялся, сопереживал маленькому человеку и разво-дил руками Н. Гоголь; сострадал Обломову, ушедшему от бесцельной государственной деятельности, И. Гончаров. Всерьез о возможности в российской жизни фигуры *трудового* героя впервые задумался И. Тургенев. Но и его позитивный почин был перечеркнут начавшейся с Н. Чернышевского, как это определяет исследователь, вакханалией революционаризма. Параллельно надеждам на революцию пышным цветом расцветали надежды на не испорченный капитализ-

мом русский народ. Так, ушел от реалистического анализа менявшейся действительности, прельстившись народолюбием, Л. Толстой; ограничился жесткой сатирой действительности М. Салтыков-Щедрин; усомнился в возможности нахождения выхода из мрачной чиновничье-государственной жизни А. Сухово-Кобылин; с головой окунулся в мрачное подполье Ф. Достоевский. На фоне этого огромного общественного (в том числе художественного) исследовательского опыта практически незамеченными были реалистические поиски выхода на чистую воду, предпринимаемые Н. Лесковым и А. Чеховым. Но и их попытки найти нечто позитивное и обнадеживающее пресекал пришедший им на смену М. Горький, конечно, не в своей революционаристской, а в нереволуционной ипостаси.

Мрак российской жизни в начале XX в. продолжили живописать Е. Замятин, И. Бунин и другие [Никольский, 2015]. Случившаяся катастрофа Первой мировой войны и революции октября 1917 г. не добавила российской жизни позитива. «Тихий Дон» М. Шолохова, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова [Неретина, 2019], «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка обозначили новые грани происшедшей общероссийской катастрофы [Никольский, 2017].

Такими исследователь видит негативные духовные предпосылки начавших складываться реалий советского бытия, к тому же нашедших благодатную почву в базовых константах российского бытия, к которым С. А. Никольский относит империю, самодержавие, собственность/бессобственность, Православие, народ. С точки зрения ученого, сталинизм, поставивший себе целью мировое господство, довел потенциал констант до его высшего – тоталитарного – уровня. Однако, обессилев в конкурентной борьбе с капитализмом, тоталитаризм оказался вынужден ослабить свои позиции, отступив назад к постсталинским, позднесоциалистическим авторитарным формам [Никольский, 2018].

Философско-литературный аспект формирования советского бытия был также востребован В. М. Куимовой, которая обратилась к историко-культурному дискурсу процесса формирования (в том числе предощущения) советского бытия. Этот дискурс, по ее мнению, дает возможность обратить внимание на то, как славянофил-почвенник Ф. Достоевский осознавал русскую национальную идею, выраженную в уваровской триаде «Православие, Самодержавие, Народность», в ее духовно-иерархической целостности; причем именно

концепция почвенничества, осмысленная Достоевским, предопределила генезис советского бытия.

Исследовательница обращает внимание на то, что писатель подразумевал «ненасильственное объединение братства», и это проводит водораздел между ним и последовавшей после его ухода из жизни русской революцией, однако ключевые понятия оказываются созвучны утопическому проекту построения коммунизма в государстве XX в. В синтезе Православия и социалистической идеи заключается парадокс идей Достоевского, у которого религия как основной конструкт подменяется идеологией (что впоследствии становится характерным для советского бытия).

Казалось бы, общественное согласие – естественное воплощение русской идеи, которое возможно только в случае преодоления разрыва между простым народом и образованными слоями общества. Но русская идея, согласно концепции Ф. М. Достоевского, исходит из особенностей русского национального характера, в котором смыслообразующими компонентами являются братская любовь и всечеловечность, что не исключает концепции русской идеи как основы революции, то есть разлада и слома. Понимание парадоксального влияния Достоевского на формирование советского бытия можно соотнести с тезисами ученых о взрывных процессах, влияющих на культурный процесс, и о пограничном состоянии личности, пребывающей в этих процессах (Ю. Лотман, В. Кантор).

В то же время русское начало, предвосхитившее советский опыт, представляет собой если не гармонию, то начало соборности, осмысленной Вл. Соловьевым как единство в свободе и свободу в единстве. Данная концепция важная в аспекте грантового исследования, поскольку достаточно широко развита в русской религиозно-философской мысли (А. С. Хомяков, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев).

К обнаружению и осмыслению генезиса советского бытия в предшествующих философских и художественных практиках обратилась Т. И. Ерохина, которая отметила, что советское бытие, формирующееся на рубеже 1910-1920-х, определенно имеет свои истоки, теоретическое обоснование и опыт реализации в художественной культуре конца XIX – начала XX в. Обозначена связь новых явлений, прежде всего с развитием модернистских течений в отечественной культуре, которые заложили основы концепции «новой личности», трансформировавшейся в дальнейшем в

мифологему «советский человек», и «новой повседневности» [Ерохина, 2015], трансформировавшийся в мифологему «советский быт». Представление о новом человеке как творческой личности, претендующей на избранность, элитарность и функции культурного героя, воплощенное наиболее репрезентативно в теоретических работах, творчестве и жизнетворчестве русских символистов В. Брюсова, З. Гиппиус, А. Белого, Вяч. Иванова, а в дальнейшем доведенное до крайнего индивидуализма и тотального эпатажа в футуризме (В. Маяковский, В. Хлебников), начинает трансформироваться в мифологему «советского» героя-демиурга, отличительной чертой которого становится пафос творения нового мира, поэзии, искусства (В. Брюсов, А. Белый, В. Маяковский). При этом отметим, что авторитарная рамка была отчасти свойственна и символистскому проекту новой культуры, о чем свидетельствуют ожесточенные дискуссии как внутри самого символизма (полемика «старших» и «младших» символистов), так и символизма с последующими течениями (акмеизм, футуризм).

Исследователь полагает, что у истоков концепта «советского быта» также лежит символистская установка на «безбытность», «презирание» быта, отказ от бытового существования во всех его возможных проявлениях ради создания нового мира. В преддверии советского бытия культура повседневности обретает дополнительные коммуникативные функции благодаря осмыслению проблемы быта (З. Гиппиус, А. Чеботаревская, Л. Зиновьева-Аннибал), при этом особую роль в восприятии повседневности играет гендерный фактор, важный в дальнейшем в советском бытии. Традиционная в русской культуре трактовка образа женщины – хранительницы дома, создательницы повседневной среды – трансформируется в образ культурной героини, которая осознанно перестает соотносить свое существование с проблемами быта.

Вторая группа материалов семинара связана с осмыслением советского бытия как нестабильного пространства (в отличие от распространенных историко-культурных представлений о «советском» как стабильном, застывшем культурном опыте), уникального типа, для которого характерны новые творческие конструкты, трансформация культурных ценностей, эксперименты и апробация новых культурных форм.

Т. С. Злотникова уделила внимание советскому бытию как философско-антропологическому феномену, который многими наблюдателями вос-

принимается как четко зафиксированная форма взаимодействия власти и «обывателя», консервативной среды и маргинала, хотя, на самом деле, этот феномен был постоянно изменчивым жизненным пространством. В этот формализованный конструкт люди входили не только с разным социально-психологическим опытом, с разными целями и с разными установками; люди формировали новый тип бытия, которое впоследствии их губило, но эти же люди испытывали энтузиазм и верили в необходимость и неизбежность обживаемых новых жизненных форм [Zlotnikova, 2017].

Некоторые центральные фигуры отечественной культуры, по наблюдениям Т. С. Злотниковой, были не только апологетами советского бытия (В. Мейерхольд, вступивший в ВКПб и возглавивший в 1918 г. Театральный отдел Наркомпроса), но и, через 20 лет, его жертвами. При этом авторитарная рамка присутствовала в коллективном искусстве театра не только в версии режиссера, считавшегося деспотом, В. Мейерхольда (убит в 1940 г.), но и в версии якобы лирически настроенного и на межличностное взаимодействие, и на художественно-эстетические особенности творческого продукта Е. Вахтангова (умер в 1922 г.) [Злотникова, 2012].

Проблематика грантового исследования требует подчеркнуть, что в преддверии формирования тоталитарных и авторитарных рамок применительно к первому десятилетию советского бытия, преломленного в сфере художественного творчества – театрального, литературного, архитектурного, кинематографического – парадоксально и активно актуализировались культурные смыслы отечественного опыта поиска, обретения и отрицания представлений о гармоническом будущем [Злотникова, 2017]. Последние люди XX в. пытались представить конкретно и буквально, в отличие от того, как это делалось русскими классиками предшествующих эпох. Отсюда – особый, новый драматизм соотношения персонального опыта, приобретенного до наступления «новой жизни» и в процессе освоения и формирования этой новой жизни.

А. В. Еремин в своих суждениях обратил внимание на то, что советское бытие – это уникальный тип бытия, который характеризовался трансформацией культурных оснований общества как на уровне конструированных властью образов (имиджей), в основе которых утверждались советские ценности и представления о коммунистических идеалах, так и на уровне архетипических оснований, свойственных социуму на

протяжении длительного исторического периода. Новые культурные формы, новая система знаков и символов революционной эпохи определяли специфику изменений в разных сферах, в том числе в религиозных доминантах российской цивилизации, которые после 1917 г. подверглись серьезной трансформации, но остались важными императивами, во многом определяя специфику советского бытия.

А. В. Еремин обращает внимание на то, что предшествовавшее формированию советского бытия марксистское учение по своей сути было псевдорелигиозным. Марксистская система ценностей, оказавшаяся в основании советского бытия, стала своеобразной религией без Бога. Обладающая стройностью, универсальностью, ценностями, основанными на равенстве, справедливости, коллективизме, ясностью целей, «великой миссией» (создание идеального справедливого общества/рая на земле), новая идеология стала своеобразным «перевертышем» христианского мировоззрения.

После распада того, что принято называть «советской империей», вновь происходит сциентизация советской культуры в жестко заданных идеологических формах и цивилизационного содержания, укоренного в религиозных представлениях [Еремин, 2017]. Это можно наблюдать на всех уровнях бытия: восприятие власти и советских лидеров, понимание мессианских задач власти и общества, укрепление представления о советском народе – носителе коммунистической истины, усиление представлений о народовластии. Подчеркнем: под влиянием новых культурных форм цивилизационные начала трансформировались как на макроуровне (идеология), так и на микроуровне (повседневные практики всех сторон жизни) [Еремин, 2014].

Авторский подход М. В. Александровой заключается в рассмотрении советского бытия первой четверти XX в. как времени апробации новых форм и идей, изменяющих пространство повседневной жизни на визуальном, ментальном и социальном уровнях [Александрова, 2016]. При этом эксперименты по организации городской среды, жилища и частного пространства, характерные для первых лет советской власти [Александрова, 2008], базировались как на идеологических принципах нового строя, так и на актуальных в европейской практике градостроительных концепциях («города-сада», зонирования территории), отвечая как минимум двум задачам: формирования «нового человека» и решения назревших еще в дореволюционной России урбанизационных

проблем. В связи с этим, как полагает исследовательница, социокультурный опыт первого десятилетия советской власти отличается как от повседневности Российской Империи [Александрова, 2015], так и от «классического» образа советской повседневности. Происходит разрушение сложившейся иерархии городского пространства и изменение транслируемого массовой культурой образа города, трансформация границ частной жизни, появление новых норм и практик повседневности. Для изучения советского бытия немаловажно увидеть апробацию новых типов жилища (дом-коммуна, соцгородок), попытки реализации идеологических лозунгов о «новом быте», которые на практике сочетались со стихийными попытками решать насущные бытовые проблемы жителей молодого государства, что привело к закреплению в советской практике таких специфических феноменов, как «коммуналка» и «коммунальный быт».

Третья группа суждений была связана с осмыслением советского бытия через призму художественных практик, понятых в широком контексте либо отличающихся локальным, мало прежде выявленным значением. Эта проблематика отмечена исследователями в работах провинциальных художников начала XX в., в советском кинематографе, в литературе. Подчеркнем: данная проблематика освещалась в основном молодыми членами грантового коллектива, что позволяет видеть существенную исследовательскую перспективу, казалось бы, локальной проблематики.

С. А. Добрецова обращает внимание на то, что советская повседневность была многогранно представлена на уровне художественно-образного осмысления в работах провинциальных художников, формировавших в конце XIX – начале XX в. художественную среду города.

Так, произведения ярославца М. Владыкина в досоветский период по преимуществу воплощают образ интеллигенции (ученые, художники) [Добрецова, 2014] и содержат пейзажные мотивы; в раннесоветский период его творчества произошла трансформация художника и основными стали индустриальные образы, характерные уже для советской культуры. Творчество П. Мосягина, чье операторское искусство было посвящено как парадному модусу советской жизни (снял первую первомайскую демонстрацию в Ярославле), так и повседневному (картина «Соперницы»), повлияло и на живописные работы: кинематографичностью отличались городские пейзажи раннесоветского Ярославля. Исследовательница устанавливает

особые отличия на фоне художников с «советским» будущим двух творцов – М. Соколова и Ф. Панкова, проявивших творческую цельность, в силу которой даже социальные сломы и трансформации не меняли их личную парадигму. По всей видимости, несоответствие идеологическим установкам имело причину во внутренней человеческой позиции художников М. Соколова и Ф. Панкова, причем их эстетическая и личная сформированность не давала возможности скатываться до простых толкований и тем, до конъюнктуры, которой художники противостояли в силу своего качественного художественного образования [Добрецова, 2017].

Особо обозначен направленный на установление преемственности досоветской и советской действительности процесс музеефикации работ провинциальных творцов; здесь значима и проблематика сохранения и трансляции культурной памяти, и поиски ответа на вопросы о коллекциях и запасниках, сохранившихся в советской время, и – шире – на вопросы социально-нравственного и художественно-эстетического модусов перехода от одной эпохи к другой [Добрецова, 2015].

К ключевым для советского культурного кода образам (народа, врага и власти), которые нашли наиболее яркое отражение в советском кинематографе, начиная с С. Эйзенштейна («Броненосец Потемкин», 1925 г.; «Октябрь», 1927 г. и др.), обратилась В. А. Тирахова. По ее мнению, эти образы раскрываются символически: через сакральные представления о единстве и стихийной силе народа; через собирательный образ жестокого и несправедливого дореволюционного мира; через дихотомический образ власти, построенный на резком противопоставлении образа народа и образа врага. Названные кинообразы являются знаковыми для русской культуры в целом, и их репрезентация в советском кино выстраивается по традиционным законам мифологизации, обозначенным Р. Бартом, Н. А. Бердяевым, А. Ф. Лосевым [Ерохина, 2016]. Попутно исследовательница обнаруживает истоки формирования и прототипы обозначенных образов в фольклорной традиции, а также в отечественном историко-культурном дискурсе (Иван Грозный, опричнина, культура и литература XVIII в., обращенная к основам социального равенства, полезного и скромного труда и просвещения; декабристское восстание как романтизированный образ революции).

О размытости реального и идеализированного миров размышляла Е. П. Аристова, отметившая, что восприятие культуры, прежде всего, как сред-

ства массовой коммуникации рано осознается зарождающимся советским миром. Тогда возникает современная и привычная нам размытость грани реального и идеализированного/виртуального. Самовыражение персоны в творческом процессе в условиях зарождающейся новой идеологии быстро заменяется служением общезначимым ярким образцам. Подобные платоновским идеям, они известны заранее и отнесены во всегда не достигнутое будущее как в специфическое трансцендентное пространство (не случайно К. Поппер считает важным искать истоки тоталитарной идеологии именно в платонизме, и именно платоновское представление о единственной истине разрушают культура и философия постмодерна).

Развитие личности в целом и творческого человека в частности неизбежно предполагало реакцию на повсеместное присутствие определенных идеологических образцов [Аристова, 2019]. Исследователь видит в художественной сфере две ключевые тенденции. Первая – добровольный поиск новых форм, позволяющих воплотить невоплощенное или даже невоплотимое: работа над изменением языка, совершенствованием жанров, освоением нового опыта (публицистических жанров, плаката, фотографии, кинематографа, массовых мероприятий); сюда примыкает осознанный отказ от предопределенного идеала, концентрация на «здесь и сейчас» живой переживающей личности. Вторая тенденция, прежде всего, проявилась в личных свидетельствах об исторических событиях – о революции, о трех войнах, сопровождавшихся социальными катаклизмами и зверствами, слишком остро противопоставлявшими человеческое существо любым абстракциям [Аристова, 2018].

Иногда обе тенденции объединялись в личности и судьбе одного художника, как это произошло с М. М. Зощенко. Обеспокоенный судьбой Родины в эпоху Второй мировой войны, добровольно вовлекающийся в борьбу с фашизмом, он, с одной стороны, сосредоточен на создании произведений, направленных на антифашистскую агитацию и рост боевого духа, с другой стороны, пишет «Перед восходом Солнца», – работу, полностью сосредоточенную на субъективности, не растворимой ни в каких массовых идеалах, потребностях или событиях. Выживание личности в советском социуме становится и путем к выживанию гуманистического идеала.

Таким образом, коллективный опыт формирования научной парадигмы изучения масштабной в социальном и культурном отношении проблемы –

советского бытия – реализовался через обозначение тех аспектов генезиса и трансформации советского феномена, которые позволили отметить как преемственность, так и новые векторы развития отечественной культуры. Авторы уделили внимание истокам и формированию советского бытия, обнаружив их в русской философии и литературе XIX в., так и рубежа XIX-XX вв. Заимствование, интерпретация, трансформация культурных кодов обозначены как условие и основание концепта «советское бытие». Феномен советского бытия осмыслен как уникальный тип бытия: творческого, религиозного (псевдорелигиозного), повседневного. Советское бытие особо представлено через творчество представителей разных видов искусства.

Обозначенные аспекты исследования позволили сформировать комплексный и фундированный теоретико-методологический подход к анализу советского бытия в его философском, историко-культурном, социокультурном и художественном аспектах, что свидетельствует о перспективности как постановки, так и решения обозначенной научной проблемы.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Имперский замысел в городском пространстве провинции: модус пограничности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 303-307.
2. Александрова М. В. Социокультурный аспект градостроительной политики первых лет советской власти (на примере Ярославля) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 27. С. 19-22.
3. Александрова М. В. Частное пространство в российском городе XIX-XX вв.: квартирный вопрос и границы личного // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 379-384.
4. Аристова Е. П. Гуманизм после конца человечности: ренессансный мотив «Чевенгура» А. Платонова // Размышляя о Платонове. По материалам XVI конференции Института философии РАН с регионами России при участии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института мировой литературы им. М. Горького РАН «Проблемы российского самосознания: «Народ жить может, но ему нельзя». К 120-летию рождения Андрея Платонова». Москва : Голос, 2019. С. 9-27.
5. Аристова Е. П. Максим Горький о характерных чертах российского социума // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 220-228.
6. Добрецова С. А. Пограничность индивидуального и коллективного бытия творческой личности: образовательный опыт М. А. Владыкина, М. К. Соколова, С. А. Матвеева // Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры : коллективная монография / под науч. ред. Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 217-228.
7. Добрецова С. А. Репрезентация портретного жанра в творчестве ярославских художников // Филология и культура. 2014. № 38. С. 261-265.
8. Добрецова С. А. Уникальная творческая личность и артефакт «массового поражения» // Вопросы культурологии. 2015. № 4. С. 101-106.
9. Еремин А. В. Историко-культурный дискурс деятельности Русской Православной Церкви в постсоветской России. Ярославль : ЯГПУ, 2014. 678 с.
10. Еремин А. В. Русская Православная Церковь и государство на рубеже столетий: архетипы и образы постсоветского времени // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Выпуск 3. С. 11-22.
11. Ерохина Т. И. Пограничность бытия личности русского символиста // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 206-211.
12. Ерохина Т. И. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая / Т. И. Ерохина, В. А. Тирахова // Ярославский педагогический вестник. № 3. 2016. С. 320-324.
13. Злотникова Т. С. Философия творческой личности. Москва : ООО «Согласие», 2017. 918 с.
14. Злотникова Т. С. Эстетические парадоксы русской режиссуры. Ярославль : ЯГПУ, 2012. 308 с.
15. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы 19-20 веков. Москва : Голос, 2015. 536 с.
16. Никольский С. А. Империя и культура. Москва : Институт философии, 2017. 126 с.
17. Никольский С. А. Российская философия истории и литература // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 116-127.
18. Никольский С. А. Российская философия истории: опыт понимания // Философский журнал. 2018. № 4. С. 121-139.
19. Неретина С. С. Философская антропология Андрея Платонова / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. Москва : ИФ РАН, 2019. 236 с.
20. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 294 с.
21. Тульчинский Г. Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Философский журнал. 2019. Том 12. № 1. С. 117-129.
22. Zlotnikova T. The Creativity of Theatrical Geniuses in «the Proposed circumstances» of the October Revolution // «Russian Studies in Philosophy». Routledge, Taylor and Francis Group. 2017. № 3-4. P. 239-251.
23. Tulchinskii G. L. «From Top Down» and «from Bottom Up» Factors of Inversions in Russian History //

Russian Journal of Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62. № 8. P. 16-32.

Reference list

1. Aleksandrova M. V. Imperskij zamysel v gorodskom prostranstve provincii: modus pograničnosti = Imperial plan in the urban space of the province: modus of frontier // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2015. № 5. S. 303-307.
2. Aleksandrova M. V. Sociokul'turnyj aspekt gradostroitel'noj politiki pervyh let sovetskoj vlasti = Sociocultural aspect of urban planning policy of the Soviet power first years (na primere Jaroslavlja) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2008. № 27. S. 19-22.
3. Aleksandrova M. V. Chastnoe prostranstvo v rossijskom gorode XIX-XX vv.: kvartirnyj vopros i granicy ličnosti = Private space in the Russian city of the XIX-XX centuries: apartment issue and personal boundaries // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2016. № 6. S. 379-384.
4. Aristova E. P. Gumanizm posle konca chelovečnosti: renessansnyj motiv «Chevengura» A. Platonova = Humanism after the end of humanity: the Renaissance motive of «Chevengur» by A. Platonov // Razmyshljaja o Platonove. Po materialam HVI konferencii Instituta filosofii RAN s regionami Rossii pri uchastii Nauchno-issledovatel'skogo universiteta «Vysshaja shkola jekonomiki» i Instituta mirovoj literatury im. M. Gor'kogo RAN «Problemy rossijskogo samosoznaniya: «Narod zhit' mozhet, no emu nel'zja». K 120-letiju rozhdenija Andreja Platonova». Moskva : Golos, 2019. C. 9-27.
5. Aristova E. P. Maksim Gor'kij o harakternyh čertah rossijskogo sociuma = Maxim Gorky on the characteristics of Russian society // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2018. № 3. S. 220-228.
6. Dobrecova S. A. Pograničnost' individual'nogo i kollektivnogo bytija tvorčeskoj ličnosti: obrazovatel'nyj opyt M. A. Vladykina, M. K. Sokolova, S. A. Matveeva = The borderline of the individual and collective existence of a creative personality: the educational experience of M. A. Vladykin, M. K. Sokolov, S. A. Matveev // Pograničnost' kak filosofsko-jestetičeskij modus russoj kul'tury: kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. I. Erohinov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 217-228.
7. Dobrecova S. A. Reprezentacija portretnogo zhanra v tvorčestve jaroslavskih hudožnikov = Representation of the portrait genre in the works of Jaroslavl artists // Filologija i kul'tura. 2014. № 38. S. 261-265.
8. Dobrecova S. A. Unikal'naja tvorčeskaja ličnost' i artefakt «massovogo poraženija» = Unique creative personality and artifact of «mass destruction» // Voprosy kul'turologii. 2015. № 4. S. 101-106.
9. Eremin A. V. Istoriko-kul'turnyj diskurs dejatel'nosti Russoj Pravoslavnoj Cerkvi v postsovetsoj Rossii = Historical and cultural discourse of the activities of the Russian Orthodox Church in post-Soviet Russia. Jaroslavl' : JaGPU, 2014. 678 s.
10. Eremin A. V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i gosudarstvo na rubezhe stoletij: arhetipy i obrazy postsovetsoj vremeni = Russian Orthodox Church and state at the turn of the century: archetypes and images of the post-Soviet era // Vestnik russoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2017. Tom 18. Vypusk 3. S. 11-22.
11. Erohina T. I. Pograničnost' bytija ličnosti russoj simvolista = The borderline of being a Russian symbolist // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2015. № 5. S. 206-211.
12. Erohina T. I. Arhetipičeskie osnovanija reprezentacii obraza Rossii: «Chistoe nebo» G. Chuhraja = Archetypic bases of representation of an image of Russia: «Clear sky» of G. Chukhrai / T. I. Erohina, V. A. Tirahova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. № 3. 2016. S. 320-324.
13. Zlotnikova T. S. Filosofija tvorčeskoj ličnosti = Philosophy of creative personality. Moskva : OOO «Soglasie», 2017. 918 s.
14. Zlotnikova T. S. Jestetičeskie paradoksy russoj rezhissury = Aesthetic paradoxes of Russian directing. Jaroslavl' : JaGPU, 2012. 308 s.
15. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otečestvennoj literatury 19-20 vekov = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the 19-20 centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.
16. Nikol'skij S. A. Imperija i kul'tura = Empire and culture. Moskva : Institut filosofii, 2017. 126 s.
17. Nikol'skij S. A. Rossijskaja filosofija istorii i literatura = Russian philosophy of history and literature // Voprosy filosofii. 2018. № 10. S. 116-127.
18. Nikol'skij S. A. Rossijskaja filosofija istorii: opyt ponimaniya = Russian philosophy of history: experience of understanding // Filosofskij žurnal. 2018. № 4. S. 121-139.
19. Neretina S. S. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. Moskva : IF RAN, 2019. 236 s.
20. Tul'chinskij G. L. Političeskaja kul'tura Rossii: istočniki, uroki, perspektivy = Political culture of Russia: sources, lessons, prospects. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2018. 294 s.
21. Tul'chinskij G. L. Filosofija istorii i narrativy istoričeskoj pamjati = Philosophy of history and narratives of historical memory // Filosofskij žurnal. 2019. Tom 12. № 1. S. 117-129.
22. Zlotnikova T. The Creativity of Theatrical Geniuses in «the Proposed circumstances» of the October Revolution // «Russian Studies in Philosophy». Routledge, Taylor and Francis Group. 2017. № 3-4. R. 239-251.
23. Tulchinskij G. L. «From Top Down» and «from Bottom Up» Factors of Inversions in Russian History // Russian Journal of Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62. № 8. R. 16-32.